

Недостаток понимания

Всё, что происходило после, по-прежнему шло своим чередом. Однако Фан Цзинь так и не уволился с работы в студенческой столовой: хотя этот труд не приносил ему больших денег, движимый неким внутренним побуждением, Фан Цзинь полностью отбросил подобные мысли.

Фан Цзинь никогда не смел недооценивать мать, особенно ту, что безумно любит своего ребенка — пожалуй, даже балует его.

Поистине неизбежный выбор.

Закончив дела, Фан Цзинь обнаружил, что как раз наступил день зачисления первокурсников.

Будучи сотрудником академии и владея собственным магазинчиком на ее территории, Фан Цзинь, естественно, обладал правом свободно перемещаться и даже мог посетить церемонию поступления.

На самом деле Фан Цзинь вовсе не хотел связываться с главными героями, но после того как к нему перешла память прежнего владельца, оставшиеся в ней эмоции проявились с особой силой. Именно это заставило Фан Цзиня искать встречи с главной героиней. Еще более странным было то, что, хотя Фан Цзинь полностью усвоил воспоминания прежнего владельца, в них не оказалось ни малейшего упоминания о Лян Чжуане. При этом Фан Цзинь отчетливо чувствовал страх, который тот испытывал перед Лян Чжуаном. Другая странность заключалась в банковской карте: в памяти прежнего владельца и по сюжету все те сто с лишним тысяч юаней ему якобы дала Бай Цинь, но на самом деле Бай Цинь понятия не имела об этих деньгах.

Из-за этого, когда ему приходилось притворяться перед Бай Цинь, он испытывал невероятное замешательство.

Какой же удивительный этот мир задач, просто невероятно запутанный.

Однако в этот раз Фан Цзинь собирался на церемонию открытия вовсе не из-за главных героев, а из-за человека, представлявшего куда большую опасность — Лян Чжуаня.

Судя по тому, что Фан Цзинь знал о Лян Чжуане, тот определенно был жестоким человеком из преступного мира. Кроме того, о жестоких выходках Лян Чжуаня в юности Фан Цзинь узнал из скучных бормотаний Сяо Чжа, но распространяться дальше Сяо Чжа не пожелал. Единственное, что еще удалось узнать — Лян Чжуань придет в эту академию вместе с главной героиней, хотя в самом сюжете об этом не говорилось ни слова.

Фан Цзинь не собирался заходить внутрь целиком. Дождавшись, когда церемония перевалит за половину, он спрятался у входа и украдкой заглянул внутрь, выискивая в толпе невысокую фигурку Лян Чжуаня, обладавшего поразительным коэффициентом скрытности.

Фан Цзинь вглядывался до боли в глазах, но так никого и не нашел. Не имея другого выхода, он был вынужден снять блокировку с Сяо Чжа и заставить того искать.

Хоть Сяо Чжа и был глуповатым, порой на него все же можно было положиться — например, в такой момент.

Фан Цзинь посмотрел в указанном Сяо Чжа направлении, но тут же пожалел об этом: там отчетливо виднелась маленькая макушка, и на ней красовалось ничто иное, как оживленное лицо Лян Чжуаня.

Фан Цзинь тут же отвел взгляд. Шутки в сторону, они ведь встретились взглядами!

Эта пара улыбающихся глаз пробирала Фан Цзиня до костей.

Если прежде взгляд Лян Чжуаня, когда тот смотрел на склад, напоминал голодного волка, то теперь его глаза походили на взгляд улыбчивого тигра: он смотрит на тебя с улыбкой, но никто не знает, в какой момент он проглотит тебя целиком, причем ты даже ничего не успеешь заметить.

Вот это и есть настоящая опасность.

Фан Цзинь вовсе не собирался тешить себя иллюзиями, будто Лян Чжуань его не заметил. Напротив, яркие глаза Лян Чжуаня сияли, словно звезды в темной ночи, и на фоне полумрака были чертовски приметны.

Заявлять, что он его не заметил, — это просто курам на смех.

Фан Цзинь и сам толком не понимал, правильно ли он поступил, придя на эту церемонию, но он привык не жалеть о том, что уже сделано — ведь это был его собственный выбор.

Сам напросился.

Фан Цзинь стоял у входа и не знал, стоит ли ему остаться здесь или уйти. Хотя казалось, что уход — это самое правильное решение, у него возникло странное предчувствие: если он просто так уйдет, исход может оказаться еще более неловким или даже опасным.

Пока Фан Цзинь пребывал в смятении, Сяо Чжа неожиданно подал голос:

— Большой хозяин-хозяин, я обнаружил в Лян Чжуане странную силу.

Странную силу? Фан Цзинь тут же поспешил уточнить:

— Похожую на твою Систему?

Сяо Чжа на мгновение замолк, а затем замялся:

— Вроде нет, эта сила похожа на его собственную.

Собственную?

У Фан Цзиня зародилась еще одна смелая догадка. С тех пор как с ним приключилась эта странная история, у него то и дело возникали необычные мысли. Они казались чем-то естественным, словно он всегда это знал — будто ему просто требовалось какое-то напоминание, чтобы вспомнить.

Впрочем, даже если эта догадка верна, Фан Цзинь не стал бы опрометчиво сближаться с кем-либо: в конце концов, в случае провала задания у него не останется ни единого шанса на отыгрыш.

Фан Цзинь невольно потер лоб — какая же морока.

— Ты... пришел меня искать? — внезапно раздался у самого уха детский голосок, и в душе Фан Цзиня тотчас забили тревогу все колокола.

Только не говорите, что всё обстоит именно так, как он подумал.

Фан Цзинь медленно повернул голову, но когда его взгляд сфокусировался, всякая надежда улетучилась:

— Ох.

Инстинкты подсказывали ему: ни в коем случае нельзя лгать стоящему перед ним человеку.

Глаза Лян Чжуаня изогнулись полумесяцами, чистые черные зрачки ярко блестели, улыбка была сладкой, а внешность — чрезвычайно миловидной. Такой человек легко располагал к себе, но лишь при условии, что вы не знаете, что у него на душе.

Лян Чжуань вдруг ухватил Фан Цзиня за руку и потащил за собой.

— Т-ты что делаешь? — изумился тот.

— Хе-хе, иди за мной, — на его лице по-прежнему играла сладкая улыбка.

Десять минут спустя Фан Цзинь слегка ошеломленно сидел на стуле и тупо смотрел на миловидного юношу, сидевшего напротив. По правде говоря, он совершенно не понимал, что этот парень задумал.

К тому же, нормально ли вот так тайком сбегать с церемонии поступления? Впрочем, стоило вспомнить все особенности характера Лян Чжуаня, как Фан Цзинь сразу перестал об этом думать: в конце концов, с Лян Чжуанем любые странности казались вполне в порядке вещей.

Фан Цзинь понимал лучше кого бы то ни было: в Лян Чжуане не было абсолютно ничего нормального. Будь Фан Цзинь прежним Фан Цзинем, он ни за что не стал бы добровольно заводить с ним знакомство, но текущие обстоятельства заставляли его идти до конца.

Лян Чжуань продолжал смотреть на Фан Цзиня с легкой улыбкой, не произнося ни слова — он просто смотрел, не отрывая глаз, словно одного этого ему было достаточно.

Однако чем дольше Лян Чжуань сохранял такое состояние, тем сильнее становилась настороженность Фан Цзиня.

Тем не менее, казалось, что для Лян Чжуаня всё именно так и обстояло.

Лян Чжуань и Фан Цзинь находились в изысканно оформленном ресторанчике. Пока они оба были погружены в собственные мысли, блюда, которые Лян Чжуань заранее заказал, были готовы, и их подали к столу.

Фан Цзинь глянул на еду — он ни за что не признается, что выглядит всё это аппетитно, и уж тем более он вовсе не хочет есть.

Лян Чжуаня лукаво прищурился, наблюдая, как Фан Цзинь кусок за куском уплетает все угощения.

Недостаток понимания

Фан Цзинь с увлечением уплетал еду, причем аппетит разгорался все сильнее — ему нравилось абсолютно каждое блюдо.

Лян Чжуань с сияющей улыбкой наблюдал за тем, как счастливо ест Фан Цзинь:

— Тебе нравится слегка сладковатое, но ешь ты всегда немного; ты любишь острое, но от привычки налегать на перчик тебе порой становится не по себе; тебе хочется пробовать самые разные вкусы, но иногда по душе что-то попроще; ты обожаешь мясо, но жир терпеть не можешь, а к говядине и баранине вообще никогда не прикасаешься...

Лян Чжуань с лучезарной улыбкой выложил множество подробностей. Фан Цзинь впервые столкнулся с тем, кто настолько хорошо знал его причудливые и капризные пищевые привычки и при этом умудрился выбрать именно то, что ему по вкусу — это просто какой-то дар.

Заметив устремленный на него ошарашенный взгляд Фан Цзиня, Лян Чжуань продолжил улыбаться. Казалось, в присутствии Фан Цзиня улыбка стала его единственным выражением лица, его единственной маской.

Лян Чжуань давно знал: перед Фан Цзинем некоторые свои помыслы ему необходимо скрывать. И хотя Фан Цзинь уже был не тот, прежним он для него остаться тоже не мог...

В былые времена черные волосы Фан Цзиня развевались на ветру, а белые одежды излучали чистоту горного ветерка. Его темные глаза были глубокими и чистыми, не тронутыми ни единой пылинкой. Хотя перед ним лежал весь мир, ничто из этого не отражалось на дне его глаз. Он был поистине превыше всего, и никому не было дозволено оставить хоть след в его сердце. Именно эта отрешенность сводила Лян Чжуаня с ума, не позволяя вынести подобного.

Поэтому он совершил ошибку, но решил для себя, что это будет единственная оплошность за всю его жизнь — больше он никогда не оступится. А потому, ради бога, господин, взгляните же на меня.

Фан Цзиню вдруг стало не по себе. Ему всё отчетливее казалось, что взгляд Лян Чжуаня несет в себе нечто крайне неприятное.

Из-за этого внутреннего дискомфорта у него вмиг пропал аппетит.

— Ты... знаком со мной? — это был утвердительный тон.

Лян Чжуань улыбнулся и, проигнорировав терзавшие Фан Цзиня сомнения, произнес:

— Можешь меня обнять?

Фан Цзинь даже не знал, что и сказать — их разговор явно строился на разных языках.

Не дождавшись ответа, Лян Чжуань ничуть не расстроился. Он сам подался вперед, уткнувшись лицом Фан Цзиню в грудь, и невольно потерялся о него всем телом.

На лице Фан Цзиня застыло пустое выражение — он понятия не имел, как вести себя с Лян Чжуанем.

Лишь когда они наконец расстались, Фан Цзинь с запозданием осознал: глубокий страх перед

Лян Чжуанем, оставшийся от прежнего владельца, испарился, словно его никогда и не было. И дело было не только в этом — даже все остальные эмоции прежнего хозяина тела заметно притупились, а это уже было ненормально.

Этот Лян Чжуань определенно был непростым человеком. На самом деле эмоции прежнего владельца тела были отражением его сокровенных желаний, однако стоило ему по-настоящему столкнуться с Лян Чжуаном, как эти чувства вмиг ослабли. Можно сказать, что при встрече с Лян Чжуаном прежний владелец больше ни на что не надеялся — или же глубокий страх перед Лян Чжуаном заставил его отказаться от любых дальнейших чаяний.

То, что Лян Чжуан не стал досаждать ему и дальше, показалось Фан Цзиню весьма странным. Хотя Фан Цзинь не мог толком объяснить почему, интуитивно он чувствовал, что Лян Чжуан должен был преследовать его по пятам, даже если сам он вовсе этого не желал.

И всё же, несмотря на немалое количество хлопот, дела Фан Цзиня шли своим чередом в обычном ритме.

Было решено, что лавка официально откроется во второй половине дня. В дальнейшем, за исключением часов работы в столовой, Фан Цзинь, судя по всему, будет всё время пропадать в своём магазинчике — дел предстояло немало. И хотя ему помогала Бай Цинь, Фан Цзинь вовсе не хотел перегружать её работой.

Открываясь во второй половине дня, Фан Цзинь не стал устраивать громких рекламных акций, но благодаря помощи Ань Цзыцзэ к ним заглянуло множество его знакомых, среди которых оказались Хуан Линь и главный герой Сюй Чу.

Хуан Линь был человеком довольно взбалмошным, нрава жизнерадостного и оптимистичного. Даже если кто-то цеплялся к нему по пустякам, он лишь отмахивался улыбкой. Если же друзьям требовалась помощь, он был готов отдать за них жизнь и бросался на выручку без малейших колебаний.

Сюй Чу же слыл человеком крайне ветреным, вокруг него постоянно крутились всё новые девушки. Стоило какой-нибудь особе проявить интерес, как Сюй Чу охотно заводил с ней роман. Из-за столь бурной личной жизни его социальные связи были невероятно запутаны. Об этом Ань Цзыцзэ сообщил Фан Цзиню по секрету, предупреждая, чтобы тот держался от Сюй Чу подальше. Однако, услышав это, Фан Цзинь почему-то тотчас вспомнил об отношениях между главным героем и главной героиней. Исходя из предыдущего общения с главной героиней Вэнь Цзе, Фан Цзинь примерно понял, что та вовсе не является прямолинейным и искренним человеком. В казавшихся ясными глазах Вэнь Цзе таился едва заметный темный огонек. Когда ее пришли спасать, Вэнь Цзе, разумеется, обрадовалась — и как ей было не радоваться? — однако, заметив на Фан Цзине дешевую одежду, она на мгновение бросила на него взгляд, полный скрытого презрения. А когда Фан Цзинь продемонстрировал превосходные боевые навыки и вытащил ее, она неожиданно проявила к нему интерес. Уходя, она шла с ним бок о бок, то и дело украдкой косясь на его лицо, но при этом старательно избегала любых случайных прикосновений к нему. Хотя Фан Цзинь прекрасно понимал причины такого поведения, ему не хотелось в этом признаваться: так называемая избранница судьбы оказалась

банальной меркантильной особой. Если она и заинтересовалась Фан Цзинем, то лишь из-за его полезного навыка — с такими способностями было довольно легко заработать, стоит только устроиться на какую-нибудь слегка опасную работу вроде телохранителя. Иными словами, Вэнь Цзе рассматривала Фан Цзиня как перспективную инвестицию: сближаться с ним по-настоящему ей не хотелось, но и упускать из виду она его не собиралась. Именно поэтому всё и обернулось подобным образом.

Фан Цзиню не хотелось думать о людях плохо, но все эти тревожные сигналы не позволяли ему просто закрыть на них глаза.

Еще когда Фан Цзинь просматривал сюжет, он заметил, что при описании главной героини авторы никогда не делали упор на ее природную красоту. Напротив, речь всегда шла об изысканном макияже и о совершенно не соответствующих ее возрасту вещах — о ненароком проскальзывающей женственности, безмолвно притягивающей людей. Но у слова женственность есть определенные возрастные рамки, больше подходящие зрелым женщинам. Когда же о женственности молодой девушки, которой едва исполнилось двадцать, говорят в таком ключе, это неизменно казалось ему странным. К тому же, первая встреча главного героя с главной героиней произошла в баре. Хотя в самом сюжете беспорядок в том заведении описывался не слишком подробно, в дальнейшем, стоило сюжету зайти туда, как неизменно начинался кавардак. Если посчитать всё в общей сложности, наберется больше десятка подобных случаев, и Фан Цзинь просто не мог не относиться к этому с подозрением.

При этом в сюжете черным по белому расписывалось, как сильно бедствует семья главной героини. Однако Фан Цзинь лично видел Вэнь Цзе в тот раз, и на ней были надеты вещи сплошь от известных брендов, причем одно дороже другого. Если сложить стоимость всей этой фирменной одежды вместе, выйдет никак не меньше десяти тысяч. Размышляя об этом, Фан Цзинь невольно вспоминал первоначального владельца тела. Как бы тот ни был глуп и неразумен, по сюжету он в худшем случае отличался некоторой ленью, но до одержимости идеей скупать брендовые вещи ради главной героини, начавшейся у него позже, дело вовсе не доходило.

Все эти обстоятельства складывались воедино, не оставляя Фан Цзиню выбора — он просто был обязан подозревать неладное.

Тогда, судя по догадкам Фан Цзиня, столь многочисленные небывалые случайные встречи между главной героиней и главным героем могли оказаться вовсе не «случайностями».

Вдобавок ко всему, личная жизнь Сюй Чу складывалась на редкость бурно, так что нет ничего удивительного в том, что в конце концов эти двое начали встречаться, тем более что на их союзе сюжет как раз и завершался.

Что же стало с этой парочкой впоследствии, Фан Цзинь узнать уже никак не мог.

«Страстный» взгляд Фан Цзиня, устремленный на Сюй Чу, заставил того покрыться холодным потом. Разумеется, дело было не только в одном лишь взгляде Фан Цзиня — добавился еще и

полный злобы взгляд Ань Цзыцзэ. Сюй Чу отчаянно пытался понять, чем же он мог так насолить этой парочке, раз они уставились на него с таким выражением. Сюй Чу с чувством вины уплетал еду из своей тарелки, но вскоре перестал терзаться, потому что блюдо оказалось настолько восхитительным, что заставило его забыть о чужих взглядах.

Глядя на то, как самозабвенно уплетает за обе щеки Сюй Чу, Ань Цзыцзэ внезапно почувствовал глухое раздражение — всё это великолепие вообще-то должно было достаться ему. Он даже немного пожалел, что порекомендовал своему непутёвому другу это место.

Хуан Линь с любопытством поглядывал по сторонам. Отношения между Ань Цзыцзэ и Сюй Чу казались ему всё более забавными, а больше всего на свете Хуан Линь любил наблюдать, как эти двое пикируются.

Даже безмолвная перепалка радовала его до глубины души.

Фан Цзинь слегка приподнял брови, наблюдая за их взаимодействием. Эти трое выглядели прирожденными напарниками, такими же неразлучными смутьянами.

— Вы ходите в бары?

— Нет, — тут же ответил Ань Цзыцзэ. — Никогда не ходил.

Фан Цзинь изогнул брови. Шутите? Ты не ходил? А с чего бы это в день первой встречи главных героев ты тоже сидел с главным героем и потягивал коктейли?

Впрочем, Фан Цзинь и не ждал ответа от Ань Цзыцзэ — его взгляд по-прежнему был прикован к Сюй Чу.

Сюй Чу виновато поскрёб в затылке. Странное дело: даже когда родная матушка страшно грозила ему расправой и запрещала куролесить, он не чувствовал себя столь виноватым. Но сейчас деваться было некуда — совесть и правда грызла.

— Я... я бывал... — мало того что бывал, так еще и регулярно. Может, с этого дня просто... взять и перестать ходить?

Хуан Линь меньше всех испытывал морального давления. С улыбкой он указал на Сюй Чу и весело произнес:

— Бывал, вместе с ним.

Фан Цзинь никак не ожидал, что из-за его праздного вопроса случайная встреча главных героев в баре вот так испарится, словно взмах крыльев бабочки, ведь теперь главный герой

Сюй Чу больше никогда туда не сунется.

Взгляд Фан Цзиня чуть сместился и некстати упал на Хуан Линя.

Хуан Линь отчетливо почувствовал этот направленный на него взгляд, но на лице его уже застыла привычная естественная маска фальшивой улыбки, хотя на душе скребли кошки.

Дорогой, перестань на меня пялиться! На сердце и так тревожно, хотя внешне я держусь исключительно невозмутимо.

Словно заметив напряжение Хуан Линя, Фан Цзинь милосердно отвел глаза:

— Подождите еще немного, еда для вашего заведения будет готова с минуты на минуту.

Забегаловка Фан Цзиня была слишком крошечной. Как бы сильно он ни хотел расширить меню, суровая реальность вынуждала временно отказаться от этой затеи, так что он отобрал лишь самые простые в приготовлении, но невероятно вкусные блюда.

Тем не менее, по сравнению с едой из большой столовой, творения Фан Цзиня отличались куда большим вниманием к деталям, да и кулинарное мастерство у него было на недостижимой высоте.

Короче говоря, после этой трапезы почти все посетители остались сыты и безумно довольны, особенно тройка главных красавцев Университета Айгалос.

Если Ань Цзыцзэ по-прежнему излучал безмятежную весеннюю свежесть, то Сюй Чу, несмотря на сильнейшее переедание, изо всех сил старался сидеть с прямой спиной, лишь зря подвергая себя мучениям. На их фоне Хуан Линь выглядел изнеможенным и просто развалился на стуле; хотя он и не пытался казаться излишне собранным, в его не совсем строгой позе не было ничего дисгармоничного. Сравнивая их, можно было с уверенностью сказать, что Сюй Чуху хуже всех удавалось скрывать свои чувства, а потому сила и слабость этих университетских красавцев раскрывались с первого же взгляда.

Фан Цзинь украдкой наблюдал за ними. Неудивительно, что в конце концов Вэнь Цзе сошлась именно с Сюй Чу: на фоне расчетливого Ань Цзыцзэ и себе на уме Хуан Линя Сюй Чу казался практически простофилей.

— Вы довольны? — Фан Цзинь подошел ближе.

— Довольны! — Хуан Линь среагировал быстрее всех, точнее говоря, у него одного еще оставались силы на разговоры. Про Сюй Чу и говорить нечего, а Ань Цзыцзэ съел ничуть не меньше остальных двух, но этот мастерски умел пускать пыль в глаза — на его лице почти не отражалось и следа сдерживаемых мучений.

Фан Цзинь исподлобья бросил на Ань Цзыцзэ многозначительный взгляд, смысл которого два человека, чьи сердца были настроены на одну волну, поняли без слов.

Долгая и суетливая дневная смена подошла к концу. Закончив дела в столовой, Фан Цзинь вернулся в закусочную. В подсобном помещении он обустроил себе личное пространство исключительно для отдыха, однако Бай Цинь упорно продолжала ездить туда-сюда между домом и магазинчиком. И хотя расстояние было небольшим, с объективной точки зрения оставаться в закусочной было намного безопаснее — все-таки она находилась на территории знаменитого университета, где меры безопасности куда надежнее, чем в обычном открытом жилом комплексе.

Будь Фан Цзинь в своей прошлой жизни, он бы без колебаний продал квартиру в жилмассиве и бросил все силы на развитие ресторанного бизнеса. Но этот мир не принадлежал Фан Цзиню по-настоящему, да и сам он в этой миссии не был всецело собой. Бай Цинь на самом деле не являлась матерью Фан Цзиня, а он лишь играл роль ее сына. И хотя Фан Цзинь изо всех сил старался добросовестно выполнять задание, фальшь оставалась фальшью.

<http://bllate.org/book/22173/2309936>